

ПОСЕЛЕНИЕ ТАШКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАВОДОУКОВСКОЕ XIII¹

Н.К. Стефанова, В.И. Стефанов

Представлены результаты раскопок памятника Заводоуковское XIII, расположенного в низовьях р. Ук в Тюменском Притоболье. Большинство выявленных древностей относится к ташковской культуре эпохи бронзы. Исследованы остатки трех типичных жилищ, получены комплекты характерной посуды, грузил, фрагменты тигля, булавы. Вскрыты два поздних погребальных сооружения.

Тюменское Притоболье, поселение, ташковская культура, эпоха бронзы, ЕАМП, жилища, керамика, рожковидные грузила, булава, тигли.

В работе представлены результаты раскопок поселения Заводоуковское XIII [Стефанова, А–1992]². Характерные черты большинства полученных артефактов позволяют достаточно уверенно отнести их к древностям ташковской культуры эпохи бронзы Тюменского Притоболья³. В конце 80-х гг. XX в. локальная группа памятников этого образования была выявлена в Заводоуковском районе Тюменской области, на левом берегу р. Ук — правого притока Тобола. Речь идет о поселениях Заводоуковское VIII/1, X, XIII, Ук III. Керамика ташковского типа была найдена также в слоях соседних поселений, преимущественно в качестве примеси. Все названные выше памятники оказались не однослойными: кроме ташковских объектов на их территории были зафиксированы остатки построек алакульской культуры, пахомовские, саргатские (Ук III), бархатовские (Заводоуковское X) жилища, поздние погребальные комплексы (Заводоуковское XIII) и др. Поселение Заводоуковское X было исследовано практически полностью [Сергеев, 1991; А–2003], площади остальных — частично, при этом в научный оборот введены материалы раскопок только одного — поселения Ук III [Корякова и др., 1991].

Большая часть бассейна р. Ук находится в СВ секторе так называемой Ингальской долины и отличается рядом природных особенностей, в том числе — преобладанием лесных ландшафтов [Волков, 2007, с. 9–10; Матвеева и др., 2003]. В частности, неподалеку от г. Заводоуковска расположен обширный реликтовый сосновый бор. Река в нижнем течении заметно меандрирует, огибая довольно высокие, поросшие смешанным лесом, мысы. Их подножия часто окаймлены старицами, как мелкими, пересыхающими, так и глубокими, полноводными. Подтрапециевидная в плане площадка мыса, на которой зафиксированы остатки четырех [Жилина, А–1982] или пяти поселений и около 30 курганчиков [Сергеев, А–1986], пожалуй, наиболее высокая в ближайшей округе. Ее длина около 250 м, ширина в основании около 400 м, западный и юго-западный склоны — крутые, высотой до 3 м, остальные — пологие. Примерно в середине основания мыса находится чашевидная котловина высохшего водоема диаметром около 100 м, поросшая кустарниками и травой. Остатки поселения Заводоуковское XIII примыкают к западному склону данной котловины, к восточному — ташковские и бархатовские объекты поселения Заводоуковское X. До реки отсюда всего около 350 м, но благодаря рельефу террасы поселок в свое время вряд ли просматривался с воды или берега.

Интересен сюжет с регистрацией остатков поселения. И.В. Жилина зафиксировала 6 впадин, размещенных двумя параллельными рядами между склоном мыса и бортом внутренней котловины. А.С. Сергеев увидел здесь 8 впадин, 4 из которых перегораживали гривку, а еще 4 примыкали к ним в виде дуги. Полуинструментальная топографическая съемка, предварившая раскопки памятника, выявила 14 впадин на площади около 1500 м² (рис. 1). Хотя углубления № 10, 12, 13 прослеживались слабее других, было очевидным размещение объектов в виде

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00202.

² Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора перед годом написания работы.

³ Выражаем искреннюю признательность коллегам, оказавшим помощь в полевых исследованиях памятника и подготовке его материалов к публикации: Л.Л. Косинской, обработавшей каменный инвентарь; П.А. Косинцеву, проводившему анализ остеологических остатков; А.А. Плешакову, выполнившему полуинструментальную топографическую съемку поселения.

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

почти равностороннего треугольника (возможно, в юго-восточном углу комплекса была еще одна постройка, остатки которой нивелированы сезонными нарушениями береговой кромки внутреннего водоема).

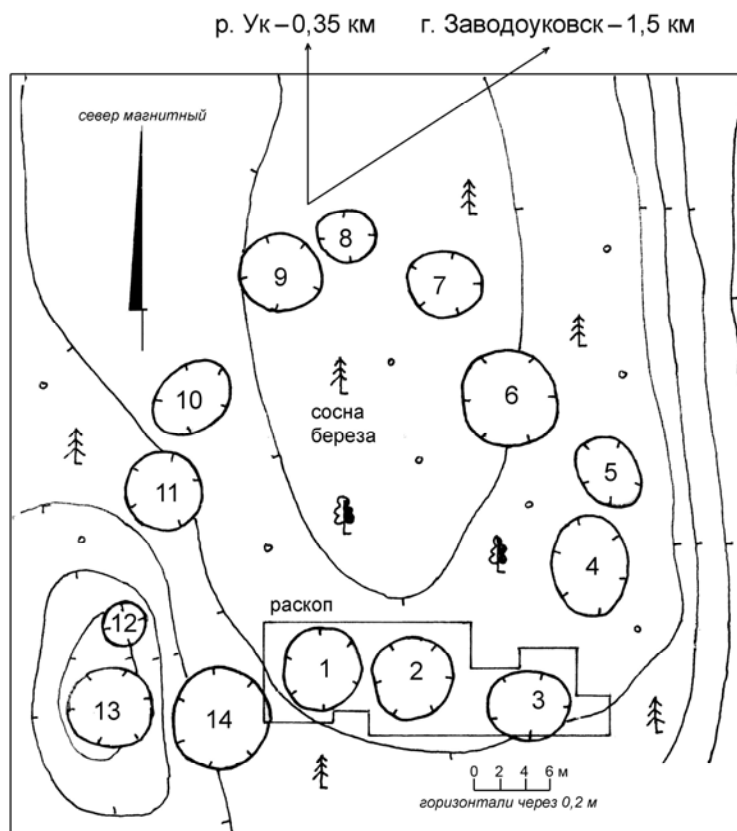

Рис. 1. План поселения Заводоуковское XIII.

Раскоп площадью 189,5 м² включил в себя три смежные впадины в южной части поселения, где было меньше крупных деревьев. Однако и здесь многолетние сосны помешали полному исследованию объектов 2, 3 и «кургана», расположенного между ними. Раскоп был ориентирован по сторонам горизонта и состоял из участков 2х2 м (рис. 2). Замеры глубин производились от единого нулевого репера, стратиграфическая ситуация фиксировалась по бортам раскопа, а также по нескольким контрольным бровкам. Поскольку в ряде квадратов (П, Р/8, 9, 14, 15) уже под лесной подстилкой обнаружались незначительные пласты перемешанной серо-желтой супеси, раскопки производились «зачистками» в рамках условных горизонтов мощностью 5–10 см.

Как выяснилось, обозначенная пестрая супесь маркировала поздние погребальные сооружения, устроенные между заплывшими котлованами ташковских жилищ (рис. 2). Таких объектов в раскопе оказалось три. На поверхности они выглядели как небольшие курганчики, имевшие округлую невысокую насыпь с углублением в центре. Под насыпью скрывалась окруженная ровиком подчетыреугольная площадка (4,0х3,6 м), в центре которой находилась могильная яма вытянуто-овальной формы (2,0х0,6х0,6 м), ориентированная с СЗ на ЮВ. Все могилы были ограблены. У южной стенки одного погребения лежали фрагменты черепа человека, рядом с другим под насыпью были найдены 3 резца и клык лошади. Отсутствие сопроводительного или сопутствующего инвентаря затрудняет датировку погребальных сооружений, но они определенно поздние (эпоха железа?). В свою очередь, некоторые ташковские жилища были размещены вблизи остатков крупных энеолитических объектов, хорошо выраженных в рельефе и в наши дни.

Для памятника в целом характерна следующая стратиграфия (рис. 2): лесная подстилка и темно-серый гумус — до 25 см; светло-коричневая супесь, сопряженная, вероятно, с бытованием и разрушением объектов времени энеолита-бронзы, — до 40 см; светло-серая, белесая су-

песь и плотный коричневый суглинок — материковые формирования. Остатки жилищ и других углубленных объектов эпохи бронзы представлены коричнево-рыжей («тяжелой», с включениями суглинка?) супесью; серо-коричневой (бурой, реже — темно-серой с углистыми включениями) пестроцветной супесью; буровато-серой и серой мешаной супесью. Фиксация очертаний затруднялась слабой вариативностью окраски грунта, особенно после его высыхания, и, как следствие, — нечеткостью, «размытостью» границ. Особо подчеркнем, что в приводимых далее описаниях фигурируют параметры только углубленной части построек. Это важно, потому что, как мы полагаем, собственно стены жилищ возводились не со дна мелких котлованов, а на некотором расстоянии от их краев.

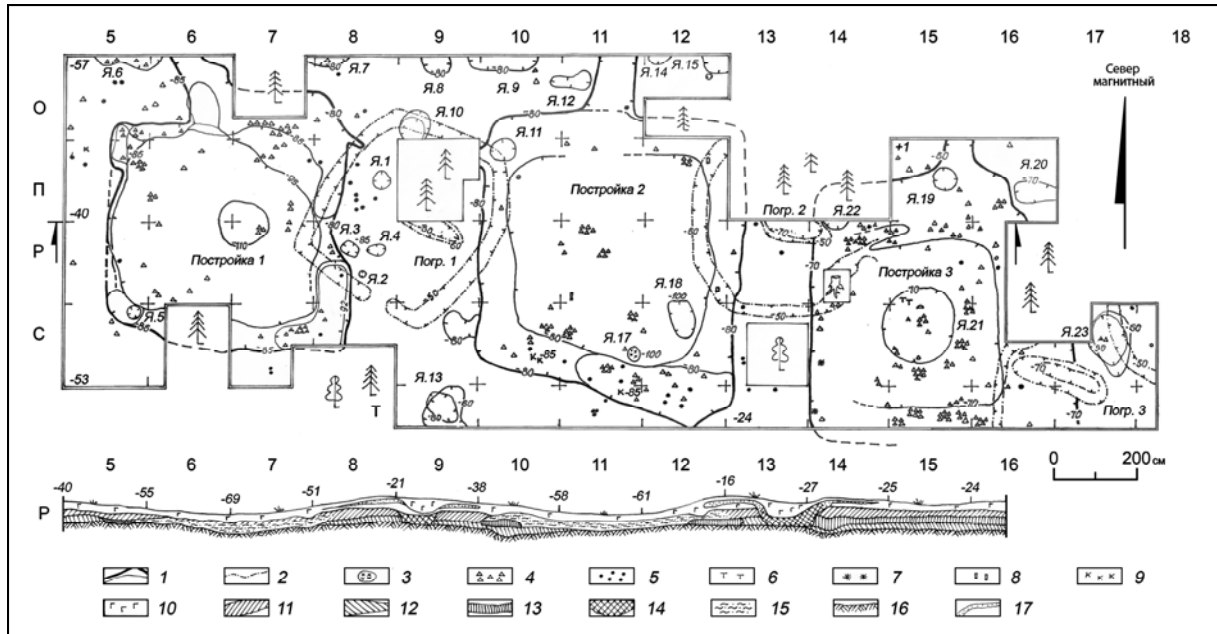

Рис. 2. Поселение Заводоуковское XIII. План раскопа и профиль по линии «Р»:

- 1 — границы построек, ям; 2 — границы погребальных объектов; 3 — угли, углистая супесь; 4 — ташковская керамика; 5 — неолитическая керамика; 6 — фрагменты тиглей; 7 — куски песчаника; 8 — каменные предметы; 9 — кости; 10 — лесная подстилка, темно-серый гумус; 11 — светло-коричневая супесь; 12 — светло-серая, белесая супесь; 13 — серо-коричневая, бурая супесь; 14 — коричнево-серая мешаная супесь; 15 — коричнево-рыжая «тяжелая» супесь; 16 — коричневый суглинок; 17 — серо-желтая супесь.

Постройка 1 (рис. 2). Подквадратное в плане пятно супеси серого и коричневого, с различными оттенками, цвета, размерами около 6х6 м, зафиксировано на глубине 0,4–0,5 м от поверхности. Котлован, судя по очертаниям его нижней части, был ориентирован по сторонам света и имел к моменту раскопок довольно неровные границы. От древней дневной поверхности его глубина едва ли превышала 0,3 м, дно полого понижалось к центру. Примерно от середины северной границы отходила «дорожка» серо-коричневого пестроцвета длиной около 1,5 м и шириной до 1 м, слой которой плавно выклинивался к северу. Еще один выступ серо-пестроцветного грунта (0,42х0,25х0,07 м) фиксировался в СВ углу объекта. Каких-либо характерных, ярко выраженных признаков очажного устройства не прослеживалось (хотя грунт центральных площадок всех трех построек был темнее окружающего и включал обломки сосудов, тиглей, каменные предметы). Периферийный слой серо-коричневой супеси отсутствовал вдоль западной границы и на протяжении примерно 1 м вблизи середины восточной. В ЮЗ углу прослеживалось овальное пятно серо-желтого грунта («яма?» № 5) размерами 0,9х0,6 м. К горизонту материкового суглинка диаметр пятна сократился до 0,3 м, разрез оказался чашевидным, глубина ямы достигала 22 см. В СЗ углу с момента его фиксации (-85 см) и до появления материкового суглинка (-95...-97 см), прослеживалось подпрямоугольное, с закругленными углами пятно коричнево-сероватого грунта (1,1х0,45х0,12 м).

Находки из слоя разрушения и со дна постройки представлены в основном фрагментами сосудов. Из них 10 — сосудов периода неолита и, за исключением трех, найдены в верхних

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

горизонтах руин. Около 200 фрагментов относятся к сосудам ташковского типа. Черепки, как правило, залежали вблизи границ углубленной части постройки, причем их было заметно больше в ее СЗ, СВ и ЮВ углах. Среди прочих находок — три обломка так называемых рожковидных грузил и один скребок — в СВ секторе постройки; три орудия из фрагментов сосудов — на полу СВ и ЮЗ углов; обломок диска из стенки сосуда — в СЗ углу; три ошлакованных фрагмента сосуда — в ЮВ секторе.

Постройка 2 (рис. 2). Западная граница ее углубленной части отстояла от контуров постройки 1 на расстояние около 3 м. Сами смежные границы были при этом практически параллельны. Очертания нижней части прямоугольного углубления, ориентированного по сторонам света, фиксировались с глубины 0,3–0,4 м от поверхности. Размеры пятна — около 6,2×6,6 м (площадь ~ 41 м²), границы довольно ровные, а СЗ и ЮЗ углы почти прямые; СВ угол не удалось проследить из-за крупных деревьев, выросших на насыпи кургана 2. «Тяжелая» коричнево-рыжая супесь фиксировалась на центральных участках руин сразу под гумусовым горизонтом. Ближе к дну пятно этого грунта приобрело подквадратную (около 24 м²) форму и со всех сторон было окружено полосой серо-коричневой (бурой), местами — темно-серой с углистыми включениями, супеси. В пределах углубленной части постройки прослеживались три маломощных грунтовых пятна: № 11 на уч. П/10 — округлое буровато-серое (55×60×7 см); № 17 на уч. С/11 — овальное серо-углистое (32×36×3 см); № 18 на уч. С/12 — овальное темно-серое (90×56×4 см). Пол относительно ровный (-86...-104 см), с незначительным понижением к северу и северо-западу. Каких-либо следов очага не отмечено. Северная граница постройки прерывалась покатою в продольном разрезе «дорожкой» серого пестроцвета шириной около 1,0 м и видимой длиной около 1,4 м. К западной границе, близ СЗ и ЮЗ углов котлована постройки, примыкали выступы буровато-серого грунта мощностью около 7 см.

Среди находок наиболее многочисленны фрагменты сосудов ташковской культуры (около 150 обломков и один развал), лежавшие в основном на дне постройки, ближе к ее границам. К энеолитическому комплексу отнесено 14 фрагментов, собранных по преимуществу в переотложенном слое руин. В этом же слое были найдены сечение ножевидной пластины и плоский скол со шлифованного изделия. На дне «выхода», а также в углах постройки по обе стороны от него обнаружены одно целое и шесть фрагментов рожковидных грузил. В разных местах пола центральной площадки и массива серого пестроцвета залежали орудие из фрагмента ташковского сосуда, обломок шлифованного сверленного навершия, пластинчатый отщеп, боковой скребок на отщепе и мелкая галька. В ЮЗ углу находилось около 15 фрагментов костей. Шесть из них принадлежали собаке, скорее всего одной особи. В 2 м восточнее были найдены еще три фрагмента костей — неопределимых.

Постройка 3 была возведена с восточной стороны от жилища 2. Смежные контуры углубленных частей построек находились на расстоянии около 2 м друг от друга и, как в предыдущем случае, были почти параллельны. Исследования осложнялись наличием поздних перекопов (ровики, могильные ямы, насыпи над ними) и крупных деревьев. В силу этих обстоятельств границы СЗ и ЮВ секторов постройки оказались значительно искаженными, а участки вдоль южной и восточной стенок — неисследованными. Общие контуры и некоторые детали руинированного сооружения прослеживались с глубины 0,2–0,5 м от поверхности. Судя по зафиксированным отложениям, данная постройка не имела принципиальных конструктивных отличий от первых двух. Такой же слабоуглубленный (0,2–0,3 м) котлован прямоугольной формы площадью около 40 м²; аналогичная ориентировка; отсутствие следов очага и ямок от столбов; «дорожка» выхода шириной 0,8 и длиной более 0,7 м, отходящая от северной границы котлована. Так же как в жилищах 1 и 2, периферийные участки углубления выделялись слоем буровато-серой пестроцветной супеси (местами — с углистыми стяжениями) шириной 120–180 и мощностью 15–30 см (кроме полосы вдоль западной границы). Массив охватывал подквадратную площадку коричнево-рыжей пестроцветной супеси (с включением суглинки?) размером 4,5×4,2 м. Отметим наличие в центре объекта пласта бурой супеси (пятно № 21, 168×185×20 см). Дно имело общее понижение к юго-западу. В пределах границ постройки были прослежены две ямы. Одна из них (№ 19), диаметром и глубиной около 0,6 и 0,5 м соответственно, располагалась вблизи основания «дорожки» — выхода. Она имела вертикальные стенки, горизонтальное дно и была заполнена светло-серой супесью с угольками. Другая (№ 22, СЗ угол постройки), глубиной около 20 см, раскопанная частично, имела очень пологие стенки, округлое дно и была заполнена серой пестроцветной супесью. Объектов, примыкающих снаружи непосредственно к контурам по-

стройки, не зафиксировано, но, возможно, с ней связаны ямы № 20, 23, выявленные к востоку от сооружения (см. далее).

Большая часть *находок* залегала на дне и в придонном горизонте постройки. Среди них: около 180 фрагментов и 2 развала ташковских сосудов, 6 обломков — энеолитических; 3 орудия и диск из фрагментов сосудов; 6 ошлакованных обломков посуды ташковского типа; 2 фрагмента тигельных бортиков, обломок грузила, скребок, 2 гальки, отщеп и 9 кусков песчаника. В верхних слоях было собрано около 20 фрагментов ташковских сосудов, 6 — энеолитических, скребок и отщеп.

За пределами видимых границ построек расчищено 16 ям, из которых по крайней мере 12 могут быть соотнесены/функционально связаны с ташковскими жилищами (рис. 2; табл.).

Характеристика ям межжилищного пространства

№ ямы	Участок	Уровень фиксации (от «0»), см	Размер, см	Форма в плане	Форма в разрезе	Заполнение	Находки
1	П/8	-86	42×36×21	Овальная	Конусовидн.	Светло-серая супесь	Нет
2	Р/8	-69	15×14×11	Круглая	Чашевидная	Серый пестроцвет	Нет
3	Р/8	-85	42×32×9	Трапециев.	Чашевидная	Серый пестроцвет	Нет
4	Р/8	-85	42×26×10	Овальная	Чашевидная	Серый пестроцвет	Нет
6	О/5,6	-85	158×?×18	Овальная?	Уплощенная	Буровато-серая супесь	5 фр. ташков. кер. Галька
7	О/7,8	-70	100×?×24	Овальная?	Чашевидная	коричнево-серая супесь	Осколок гальки
8	О/9	-60	72×?×30	Овальная?	Уплощенная	Буровато-серая супесь	Нет
9	О/9,10	-80	172×?×30	Овально-подпрямоуг.?	Уплощенная	Серый пестроцвет	Нет
10	О/9	-80	?×70×41	Овальная	Чашевидная	Коричнево-серая супесь	Нет
12	О/10,11	-60	100×30×15–26	Грушевидная	Аморфная	Лесная подстилка	Нет
13	Т/9	-60	?×80×23	Овальная	Чашевидная	Коричнево-серая супесь	Нет
14	О/12	-80	54×?×46	Овальная?	Чашевидная	Серый и светло-серый пестроцвет	Нет
15	О/12	-60	?×?×28	Овальная?	Уплощенная	Серый пестроцвет	Нет
16	О/12	-80	16×14×6	Круглая	Чашевидная	Серый пестроцвет	Нет
20	П/16	-70	?×52×17	Овальная	Чашевидная	Коричнево-серая супесь	Нет
23	С/17	-60	154×100×42	Овальная	Чашевидная	Темно-серый пестроцвет	2 фр. ташков. кер.

Крупные ямы № 6, 7 находились к востоку и западу от «выхода» из постройки 1, а углубления № 1–4 — в непосредственной близости от ее видимой восточной границы. В некоторых из них были найдены фрагменты ташковских сосудов. По обеим сторонам «выхода» постройки 2 также фиксировались объекты в виде ям (№ 9, 14–16). Между постройками 1 и 2, равноудаленно от их СВ и СЗ углов соответственно, находилась большая и глубокая яма № 10. В 10–20 см к востоку от постройки 3 расчищены ямы № 20, 23. Не исключено, что яма № 20 входила в СВ сектор постройки, а ее фиксация в виде локального объекта — следствие позднего перемещения слоев. Большая яма № 23 находилась в непосредственной близости от восточной границы углубленной части постройки. Объекты № 8, 12, 13, скорее всего, относительно поздние (фиксировались сразу под слоем «опада», имели нерегулярные очертания и затеки современного гумуса).

Описание находок. В раскопе собрано 786 ед. находок. Большинство из них — фрагменты сосудов: около 650 — емкостей ташковского типа и не более 100 — энеолитических.

Энеолитический комплекс представлен обломками не менее чем 11 сосудов — полуяйцевидной формы, тонкостенных, с «расчесанной» внутренней поверхностью, сплошь орнаментированных оттисками гребенчатого штампа и ямочными вдавлениями, образующими жемчужины на обратной стороне. По целому ряду признаков данный комплекс соответствует стандартам посуды двухозерского этапа лыбаевской культуры Тоболо-Исетского междуречья [Волков, 2002; 2007, с. 30–36].

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

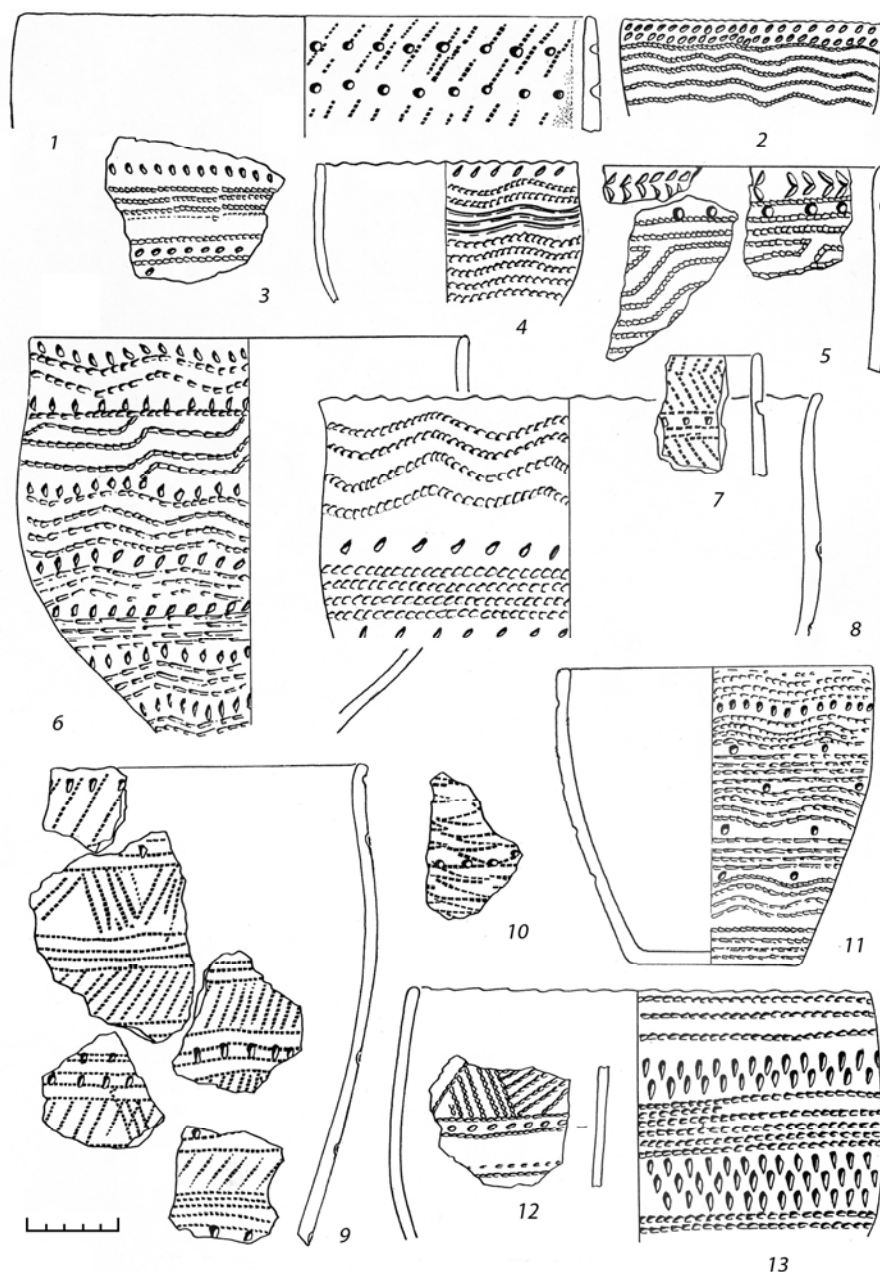

Рис. 3. Поселение Заводоуковское XIII. Керамика ташковской культуры.

Комплекс посуды *ташковского* типа включает фрагменты 25–30 сосудов (рис. 3, 4). Некоторые из них представлены десятками обломков, другие — единичными. Для формовки использовалась пластичная глина с естественным включением пылевидной слюды (возможно, в одном-двух случаях мелкодробленая слюда была добавлена преднамеренно). Фиксируются примеси некалиброванного шамота, иногда — дресвы и органики. Сосуды формовались из широких глиняных лент, соединенных как внахлест, так и встык. Возможно, использовались болванки-основы, о чем говорят характерные следы на внутренних поверхностях днищ и придонов. Толщина стенок и днищ варьируется от 0,4 до 1,0 см (в среднем около 0,6 и 0,7 см соответственно). Диаметры венчиков 14–36 см; туловищ — 14,4–36,5 см; днищ — 8,6–16 см. Высота шеек 0,7–2,5 см; плечиков — 3–12 см; общая — 10–41 см. Наружные поверхности, как правило, гладкие, внутренние — с бороздками, штрихами, порами. Обжиг, скорее всего, костровой. Цвет че-

репков снаружи — коричневого различных оттенков (от розоватого до серо-коричневого), изнутри — серый, серо-черный. Черепки довольно «рыхлые», легко поддаются излому, выкрашиванию. Количество сосудов, у которых удалось измерить те или иные параметры, а затем произвести их графическую реконструкцию, не превышает 14 экз.

Форма емкостей варьируется незначительно. В 10 случаях это «банки» с вертикальной или закрытой верхней частью, покатым или чуть ребристым переходом к придонной зоне (рис. 3, 2, 11, 13; 4, 6). Остальные отнесены к группе горшечно-баночных сосудов, хотя иногда такое определение выглядит довольно условным. Так, всего у двух емкостей были зафиксированы шейки высотой около 2 см, относительно крутые плечики и раздутое тулово (рис. 3, 6; 4, 1). В других случаях шейки короткие — до 0,7 см (скорее, эту деталь можно назвать отогнутым венчиком), плечики и придоны плавно-покатые (рис. 3, 8, 9; 4, 2, 3). Днища — плоские, иногда — слегка вогнутые. Зона перехода в дно — тупоугольная, с четким ребром или скругленная. Венчики анфас — прямые (61 %), волнистые (39 %); в профиль — симметричные (97 %) или скошенные наружу (3 %); срезы — округлые (60,6 %), уплощенные (27,3 %), плоские (12,1 %).

Сосуды орнаментировались сплошь, включая нередко венчик и дно (рис. 3, 4). Декоративные схемы — горизонтально-зональные, но без акцента на обособление той или иной детали емкости, т.е. пояски узора могли «перетекать» с одной части сосуда на другую, одинаковые композиции — украшать шейку и придонную зону. Наиболее распространенный тип орнамента — бордюрный, с довольно скудным набором мотивов: прямые или волнистые — одинарные или сгруппированные линии (49,1 %); дискретные отрезки: вертикальные (3,3 %), наклонные вправо-влево (16,3 %), образующие «елочку» (0,6 %), зигзаг или «качалку» (7,8 %). Единичны взаимопроницающие, «паркетные» мотивы (1,2 %), а также сетчатые (0,9 %) или меандровые (0,9 %). Разделителями служили пояски ямок — круглых, семечковидных, подпрямоугольных (16,0 %), иногда в сочетании с ромбовидными фигурами (0,6 %). Донышки украшены «розетками» — насечками по периметру, крестовидными фигурами, группой семечковидных ямок. Среди технических приемов орнаментации использовались: отступающе-накольчатый (40,2 %); гребенчатый — печатный, шагающий (19,4 %); ямочный (18,1 %); нарезной, «гладкоштампованный» (13,4 %); прочерченно-накольчатый (6,2 %); прочерченный (1,5 %). Сосуды декорировались, как правило, одним из технических приемов, хотя нередким было их комбинирование (рис. 3, 4; 4, 3, 4, 6). Отметим, что в каждом из трех жилищ использовались емкости, орнаментированные всеми упомянутыми техническими приемами.

В коллекции присутствуют 10 *предметов из фрагментов сосудов*: в 8 случаях — ташковских, в 2 — энеолитических (?). Восемь обломков служили, скорее всего, орудиями труда. Их форма в плане достаточно произвольна, на кромках видны явные следы работы — затирки, шлифовки и др. Еще 2 изделия, с диаметрами 6,5 и 5,0 см, — дисковидные, с отверстиями: в одном случае — в центре (рис. 5, 8), в другом — у края. Кромки изделий заовалены, сглажены, а местами сохраняют «рваные» следы оббивки.

Свидетельством бронзолитейного дела на поселении являются фрагменты своеобразных *тиглей*. Основой для них служили крупные, овально-подчетырёхугольные в плане обломки сосудов, по краю которых формовались глиняные бортики. Очевидно, фрагменты именно таких бортиков были найдены на дне постройки 3. Обломки небольшие (1,5×1,7 и 1,6×2,3 см), выполненные из пористой, рыхлой формовочной массы с обильной примесью песка и, возможно, дробленых кальцинированных костей или раковины (рис. 5, 7). Бортики подтреугольные в разрезе, их внутренние и наружные стенки тщательно заглажены, а плоскости, примыкавшие к основе, — неровные, бугристые. От основ тиглей (?) найдено 9 черепков — ошлакованных, деформированных, с пленками белесовато-розоватого нагара или тонким поверхностным слоем формовочной массы, похожей на ту, из которой делались бортики.

Ташковские *глиняные грузила* представлены 1 целым, 2 обломками археологически целого, а также 7 фрагментами торцевых и 3 — срединных частей изделий. За исключением трех последних, можно с уверенностью говорить о принадлежности грузил к типу так называемых рожковидных (рис. 5, 4–6). Длина и диаметр изделий около 9 и 1,5 см соответственно; сечения обычно овальные, реже — круглые; торцы приплюснуты, отогнуты или скошены и смоделированы в виде «рожек». Иногда выступы высокие, седловина между ними — глубокая, V-образная. В других случаях торцы грузил почти горизонтальные, так называемые Т-образные.

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

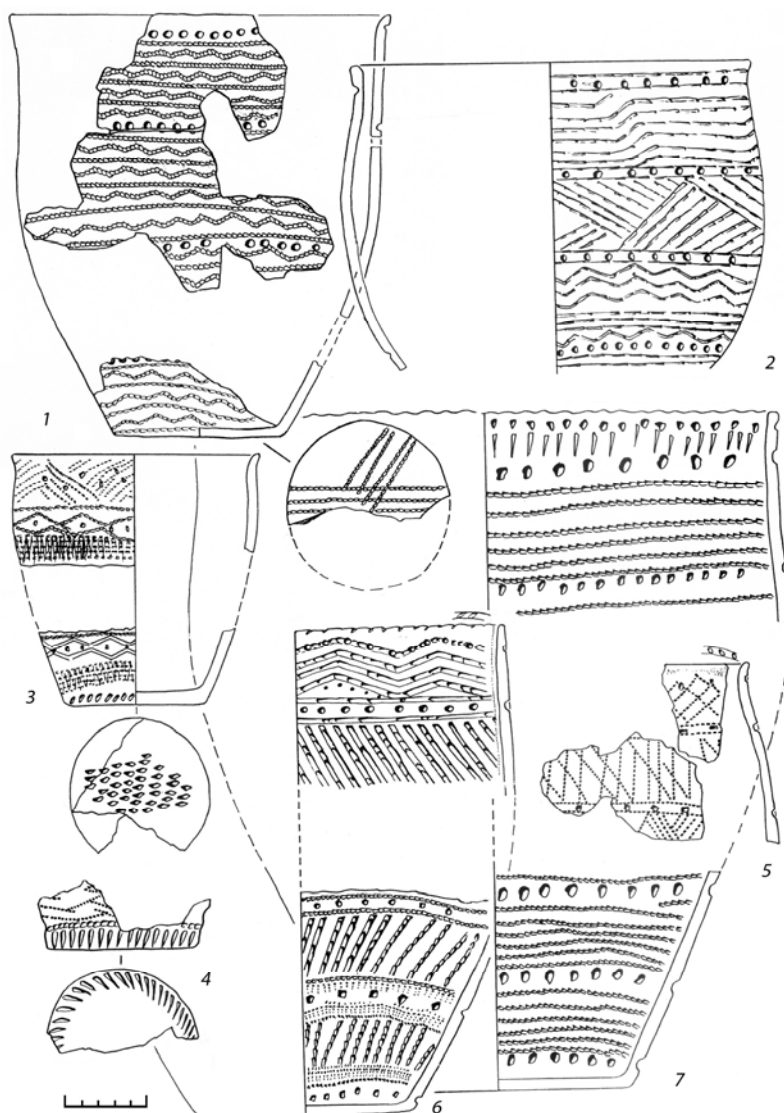

Рис. 4. Поселение Заводоуковское XIII. Керамика ташковской культуры.

В раскопе обнаружено 29 предметов из камня. Вероятность того, что какие-то из них, в том числе найденные в ташковских объектах, соотносятся с энеолитическим комплексом, весьма высока. А поскольку расчленить каменный инвентарь на разновременные группы практически невозможно (может быть, за одним исключением), мы вынуждены охарактеризовать его в целом.

Из 19 предметов, залежавших в нижних горизонтах ташковских объектов, выделяется крупный обломок сверленной булавки из породы плотной, массивной текстуры, черной, слабо просвечивающей, похожей на кремень (но излом не раковистый). Форма изделия в плане диско-видная, в поперечном разрезе уплощенно-выпуклая (рис. 5, 3). Диаметр диска около 5–5,5 см, сверлины — около 1,3–1,5 см. Изделие тщательно отшлифовано и заполировано до блеска. На поверхности и в сверлине фиксируются царапины разной направленности, а также гравировки. Так, на стенках отверстия прослежены круговые царапины (свидетельство сверления), а на поверхности изделия и в сверлине — группы параллельных нитевидных царапин (следы абразивной обработки). Затем, очевидно, была выполнена гравировка в виде расходящихся от центра к краям лучей. На уплощенной поверхности они сильно стертые, залощены, а на выпуклой — частично подновлены. В свою очередь, поверх нитевидных царапин и гравированных линий часто фиксируются короткие беспорядочные царапины — видимо, следы использования.

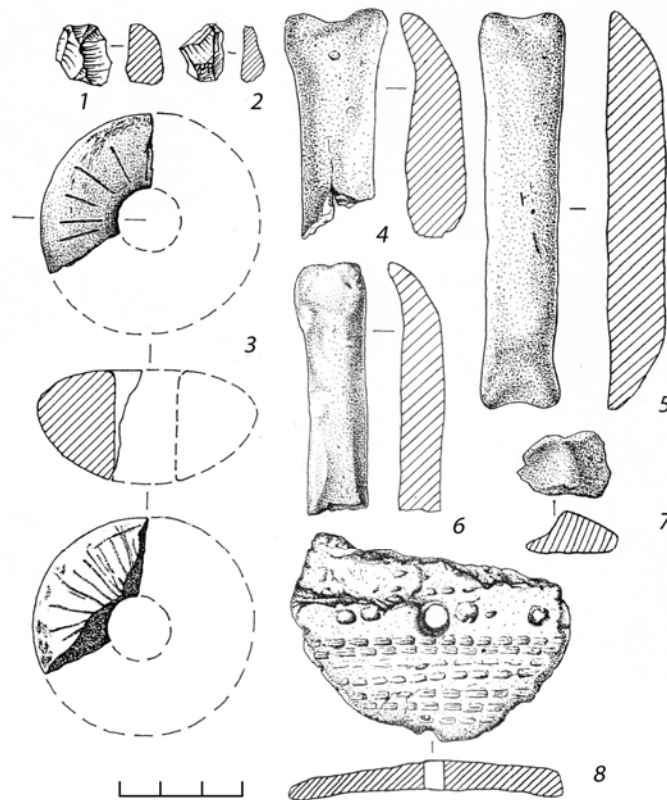

Рис. 5. Поселение Заводоуковское XIII. Вещевой комплекс:
1–3 — камень; 4–8 — глина.

Девять предметов из коллекции представлены бесформенными окатанными кусками коричнево-рыжего песчаника, еще пять — обыкновенными гальками без следов использования. Сырьем для остальных предметов служили кварцит, кремьен и кремнеземная порода. На отщепках оранжевого и желтого кварцита выполнены скребки. Первый из них (14×14×9 мм; рис. 5, 1) — высокой формы, со скребковой концевой ретушью и чешуйчатой дорсальной на правом боковом крае; концевое лезвие прямое с плавным переходом на правом углу; слом торца подправлен поперечным сколом (снят карниз?). На отщепе желтого кварцита, фрагментированном вдоль, исполнен боковой скребок (25×12×8 мм), дуговидный скребковый край которого оформлен пологой дорсальной ретушью. Из черного кремня выполнен крупный пластинчатый отщеп (34×21×5 мм) с параллельной однонаправленной огранкой спинки, выраженным ударным бугорком, петлевидным дисталом. В проксимальной части отщепа — негативы глубоких отщеповых снятий и заломов, по левому боковому краю — двухсторонняя микровыкрошенность. Из серо-пестрого кремня изготовлен скребок (13×10×8 мм) с дуговидным лезвием, оформленным крутой ретушью (в качестве заготовки использован, очевидно, обломок наконечника с зауженным скругленным насадом).

В переотложенном слое руин и межжилищном пространстве найдено 10 предметов из кремня, кремнистых и других пород. Так, из серого кремня выполнены осколок пластины (16×6×1,5 мм) с краевой полукруглой чешуйчатой дорсальной ретушью по боковому краю, а также 2 сечения пластин. Одно (12×13×3 мм) — с неправильным правым боковым краем и красной желвачной коркой на левой дорсальной грани; второе (9×14×3 мм) — с дорсальной ретушью по боковым краям. Из коричнево-сургучного кремня сделано еще одно сечение правильной пластины (23×11×2 мм), по обоим боковым краям которой фиксируется микровыкрошенность. Из красного кремня выполнены плоский осколок (18×18×4 мм), а также продольный боковой скол (21×12×9 мм) с пробным микропластинчатым негативом на проксимальном ребре. Из светлой желтоватой кремнистой породы сделан отщеп (23×23×4 мм) с диагональной огранкой дорсала. Еще один крупный отщеп (34×17×9 мм), без следов использования, выполнен из бежевого

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

алевролита. Использовался также пестрый, желтовато-красный кварцит — на укороченном массивном отщепе выполнен скребок (14×11×6 мм; рис. 5, 2), боковые стороны и дистал которого оформлены полукруглой ретушью. Интересен плоский скол (33×13×3 мм) со шлифованного изделия с гравировкой. Сырье — серо-зеленый сланец или туффит. Одна сохранившаяся грань — плоская, заполированная до слабого блеска, с затертыми параллельными абразивными следами. На второй — узкой, тоже заполированной, видны 9 параллельных гравированных линий с затухающими к ребру концами.

Культурная принадлежность памятника вряд ли может вызвать сомнения. География и планировка поселка, особенности построек, специфика вещевого материала (обломки оригинальных тиглей, характерные наконечники стрел, рожковидные грузила, орудия из фрагментов сосудов, булава), и в первую очередь керамики, определяют место памятника в кругу древностей ташковской культуры эпохи бронзы [Ковалева, 1988; Ковалева и др., 2000; Сатыга XVI..., с. 60–85; Корочкова, 2012; и др.]. На сегодняшний день поселение маркирует восточную границу компактного ареала этой культуры (В.А. Зах склонен причислять к ней материалы поселения Боровлянка 2 в южно-таежном Приишимье [2009, с. 235]). Далее к востоку встречены единичные находки керамики ташковского типа и рожковидных грузил [Стефанова, 1985; Тихонов, Таууров, 2002].

Несмотря на довольно обширную библиографию — свыше 40 работ, целиком или частично посвященных проблемам ташковской культуры,— многие аспекты ее бытования и компоненты вещевого комплекса требуют, на наш взгляд, специального анализа и обсуждения. К сожалению, лимитированный объем публикации позволяет нам вкратце коснуться лишь некоторых из них. Прежде всего, памятники р. Ук заставляют подвергнуть сомнению тезис о том, что замкнутый ряд ташковских построек формируется в круг или овал, выражая/символизируя тем самым целый пласт мировоззренческо-идеологических практик ташковского общества, неразрывно связанных с его генезисом [Ковалева, 2012]. Если впадины, зафиксированные топографической съемкой на поселении Заводоуковское XIII, маркируют собой ташковские постройки (а это, скорее всего, именно так), то следует еще раз подчеркнуть их структурированность в виде замкнутой фигуры в форме треугольника. На соседнем мысу, примерно в 0,4 км восточнее, зафиксирована еще одна группа впадин, также образующих замкнутую фигуру, но подтрапечиевидную (пос. Заводоуковское VIII/1 [Стефанова, А–1991]). Материал, полученный здесь из зачистки лесопосадочной траншеи, представлен керамикой только ташковского типа. На наш взгляд, планировка ташковских поселков была обусловлена в первую очередь сложными, динамичными и отнюдь не мирными процессами, происходившими на территории Зауралья и Западной Сибири в конце III — начале II тыс. до н.э. [Бочкарев, 1995; Черных, 2013]. Археологически фиксируется консолидация мелких разрозненных групп аборигенов в более крупные и жизнеспособные объединения (так, на территории Ингальской долины известно 49 памятников эпохи энеолита и лишь 11 — начального этапа бронзового века [Волков, 2007, с. 21]). По мнению специалистов, распространение билингвизма и бикультурализма облегчало процесс консолидации, а ключевым в этот период являлось социальное родство [Шнирельман, 2013, с. 58–59]. Инновации в устройстве мест обитания, очевидно, диктовались настоятельной необходимостью «защиты» коллектива и собственности в самом широком смысле слова [Борзунов, 1997, с. 227, 230–231; 2011, с. 218–225; Бочкарев, 2010, с. 109].

Оборонительную/защитную функцию при замкнутой планировке поселка — неважно, в какой форме реализованной,— трудно осуществить, если он состоит из отдельных, автономных строений, даже с минимальным расстоянием между ними. Обособленные постройки или кострища, зафиксированные на внутренних площадках некоторых ташковских поселков, вероятно, служили местами, где выполнялись в том числе функции наблюдения/охраны. Не исключено, конечно, и проведение здесь каких-то ритуально-обрядовых действий. Хотя, на наш взгляд, сакральным целям более соответствуют автономные уединенные постройки, подобные объекту, исследованному на памятнике Ук III, с его нестандартными размерами, комплектом находок и большим количеством ташковской керамики неподалеку [Корякова и др., 1991].

Обратимся еще раз к изученным нами объектам. Это остатки трех построек, судя по интерьеру и находкам — жилых. Малая глубина земляных выемок (предположительно 0,2–0,3 м от дневной поверхности) позволяет толковать их как наземные сооружения. Малочисленность инвентаря, отсутствие следов очага, прокалов, золы, значительных углистых стяжений, столбовых ям и редкость прочих углублений на дне, возможно, указывают на их временный или се-

зонный характер, нежели на стационарный. Выходы из жилищ были ориентированы в сторону реки или, если говорить о поселении, на внутреннюю площадку. О вариантах архитектурного устройства жилищ, подобных ташковским, исследователи писали неоднократно [Борзунов, 2011, с. 187–188; Корочкова, 2012, с. 26; Очерки культурогенеза..., 1994, с. 124–128]. Для суждений об истинных размерах, внешнем облике сооружений и организации внутреннего пространства полученных нами данных недостаточно, поэтому ограничимся общими замечаниями.

Прямоугольные очертания мелких котлованов, вероятно, соответствуют такому же контуру основания самих построек. Если, как мы полагаем, стены возводились не со дна котлованов, а на каком-то расстоянии (1,0–1,5 м, вряд ли больше) от их границ, то площадь жилищ значительно превышала площадь их углубленной части. К примеру, площадь постройки 1 составляла предположительно не менее 50 м². Пространство между стенами и котлованом могло использоваться для самых разных нужд. Стены жилых сооружений, похоже, были наклонными (скаты-кровля), хотя не исключены и другие варианты их оформления. Вариант с самонесущими срубными стенами представляется наименее вероятным [Борзунов, 2011, с. 187]. Не исключено, что стены смежных построек были общими или сопряженными при помощи тамбуров-переходов (см., напр.: [Соловьев, 2000, с. 19, рис. 18]), что логично дополняет перечень фортификационных свойств обустройства поселка. Наличие в толще руин обширных пластов «тяжелой» коричнево-рыжей супеси, возможно, свидетельствует о применении обмазки каркаса стен/кровли глинисто-песчаной массой. Никаких бесспорных свидетельств того, что исследованные постройки, как и поселок в целом, погибли от преднамеренного пожара/сожжения, в результате раскопок не зафиксировано. Пласты темно-серого грунта, регулярно фиксируемые в ташковских жилищах по периметру их углубленных частей и практически идентичные по своим признакам (ширине, мощности, большему, чем в других местах, количеству находок), маркируют, скорее всего, места расположения нар-помостов. На них сооружались лежанки, размещались предметы домашнего обихода, выполнялись различные хозяйственные работы; под ними хранились запасы, накапливался мусор, в том числе зола, угольки и др. Сравнительный анализ исследованных нами построек и находок в них позволяет предполагать эгалитарный характер проживающей здесь общины [Григорьев, 1999, с. 109].

Хронологическая позиция ташковских комплексов, несмотря на наличие основательных исследований, остается одной из наиболее дискутируемых проблем. Обширная база данных радиоуглеродного датирования, сформированная в последние годы, позволила объединить в общий хронологический горизонт — XXII–XVIII/XVII вв. до н.э. — памятники абашевско-синташтинско-петровского и сейминско-турбинского типов [Бочкарев, 2010, с. 119–120; Епимахов и др., 2005; Трифионов, 1996; Черных, 2007, с. 48–49; 2008]. В том же временном диапазоне, согласно ¹⁴C-датировкам, существуют комплексы елунинской культуры [Кирюшин, 2002, с. 80–82; Кирюшин и др., 2003, с. 105–107; 2005, с. 137–141]. Оценка калиброванного возраста памятников ташковской культуры, произведенная по серии радиоуглеродных дат, помещает их в интервал 2050±200 лет до н.э. [Ковалева, 2005, с. 105].

Сосуществование вышеназванных, а также ряда других культур и культурных образований восточной зоны позднебронзовой Евразийской металлургической провинции (ЕАМП) устанавливается и при рутинном сопоставлении присущих им категорий и типов артефактов (укрепленные и подкрепленные поселения и жилища, характерные наконечники стрел, рыболовные грузила, тигли и орудия труда на фрагментах сосудов, каменные булавы, костяные панцирные пластины, глиняные орнаментированные шарики и др.). Поражает степень сходства целого ряда сосудов ташковского керамического комплекта с образцами посуды сопредельных или отдаленных, но, на наш взгляд, одновременных культурных образований. Близость морфологии и орнамента, доходящая порой до идентичности, обнаруживается в комплексах логиновского [Генинг, Евдокимов, 1969, рис. 52, 9, 13, 14; Крижевская, 1977, табл. XIX, 20; XXI, 3], одиновского [Крижевская, 1977, табл. XXII; XXIII; XXVI, 2] и вишневого [Татаринцева, 1984, рис. 2, 2, 7, 11] типов на Ишиме; кротовского в Прииртышье [Стефанова, Стефанов, 2007, рис. 6]; елунинского в Верхнем Приобье [Кирюшин, 2002, рис. 76; 105, 2, 4; 106]; полымьятского [Стефанова, Кокшаров, 1988, рис. 4, 1, 5, 7] и кульеганского [Борзунов и др., 2011, рис. 9, 4, 5] в таежном Приобье; абашевского [Ткачев, 2007, рис. 67, 23] и синташтинского [Ткачев, Хованский, 2006, рис. 29, 1] на Южном Урале; петровского в Северном Казахстане [Зданович, 1988, рис. 3, 1, 3, 4, 8; 7, 1–3, 6, 10, 11]; чирковского в Марийском Поволжье [Соловьев, 2000, рис. 44, 7, 8]; атаманнюрского в Северном Приуралье [Стоколос, 1988, рис. 37, 38] и др.

Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII

Свидетельством каких конкретных процессов являются вышеуказанные связи и параллели — тема специальных исследований. В данном случае для нас важен хронологический аспект сопоставления артефактов указанных типов и культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Жилина И.В. Отчет об археологической разведке по Ялуторовскому и Заводоуковскому районам в 1981 г. Тюмень, 1982 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8541.

Сергеев А.С. Отчет о разведке в Заводоуковском и Ялуторовском районах Тюменской области в зоне проектирования строительства газопровода «СРТО — Омск». Свердловск, 1986 // АКА УрГУ. Ф. II, д. 420.

Сергеев А.С. Раскопки поселения Заводоуковское X в Заводоуковском районе Тюменской области в 2002 году. Екатеринбург, 2003 // АКА УрГУ. Ф. II, д. 642.

Стефанова Н.К. Полевые материалы разведочного обследования поселений Заводоуковское VIII/1; VIII/2 в Заводоуковском районе Тюменской области. Екатеринбург, 1991 // АКА УрГУ. Ф. I, д. 759.

Стефанова Н.К. Отчет об исследованиях археологических памятников в Заводоуковском районе Тюменской области летом 1989 г. (пос. Заводоуковское XIII, мог. Заводоуковский III, пос. Ук X). Екатеринбург, 1992 // АКА УрГУ. Ф. II, д. 490.

Литература

Борзунов В.А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 224–236.

Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества Севера Евразии: Проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 170–238.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульеган-38 — укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Наука, 2011. Вып. 2 (46). С. 55–69.

Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы: (Опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конф. 21–25 авг. 1995 г. Саратов; СПб., 1995. С. 18–29.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Волков Е.Н. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 57–70.

Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI–VII вв. до н.э.) // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8: Археологические памятники Ишимской лесостепи. С. 102–127.

Григорьев С.А. «Протогородская цивилизация» и реалии синташтинской культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей: Материалы к конф. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 107–110.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири: Монография. Барнаул: АлтГУ, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья: (По материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. Т. I. 288 с.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 29–47.

Ковалева В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири: (К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 102–109.

Ковалева В.Т. Генетический аспект изучения ташковской культуры // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: От артефактов к прочтению прошлого: К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 132–137.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.

Н.К. Стефанова, В.И. Стефанов

Корочкова О.Н. Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 24–33.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Препр. Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1991. 71 с.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 128 с.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 489 с.

Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. 192 с.

Сергеев А.С. Поселение Заводоуковское-Х — новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения К.В. Сальникова. Уфа, 1991. С. 55–58.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. 264 с. (Тр. Марийской археол. экспедиции; Т. VI).

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 54–62.

Стефанова Н.К., Кокишаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. 161–174.

Стефанова Н.К., Стефанов В.И. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: (К 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган: Изд-во КургГУ, 2007. С. 84–94.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 104–113.

Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Поселение Танатово IX // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. С. 121–129.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. 384 с.

Ткачев В.В., Хованский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. 180 с.

Трифонов В.А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. СПб., 1996. Вып. 1. С. 60–64.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. V: Каргалы: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Черных Е.Н. Формирование Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е.Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию акад. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 386–400.

Шнирельман В.А. Этничность в археологии — реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности?: Материалы Круглого стола / Отв. ред.: В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. С. 48–72.

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
n.k.stefanova@urfu.ru*

The article presents excavation results regarding Zavodoukovsk XIII site located in the lower reaches of the Uk river in Tyumen Low Tobol basin. The most part of the obtained antiquities refers to the Tashkovo culture of the Bronze Age. Subject to investigation being remains of three typical dwellings, with obtaining sets of typical dishes, sinkers, fragments of a crucible and mace. Subject to opening being two late burial constructions.

Tyumen Low Tobol basin, settlement, Tashkovo culture, Bronze Age, Eurasian metallurgic province, dwellings, pottery, V-shaped sinkers, mace, crucibles.